

извѣстность. Въ этомъ отношеніи оно раздѣлило участь „Парацельза“. Оба произведенія возбуждали удивленіе, но читались преимущественно терпѣливыми знатоками и въ книжномъ мірѣ составляютъ рѣдкость. Выборъ сюжета весьма характеристиченъ. Произведенія Броунинга, какъ извѣстно, пользуются болѣе уваженіемъ, чѣмъ популярностью, и служатъ предметомъ горячаго поклоненія для извѣстнаго кружка приверженцевъ и комментаторовъ. Сходство Парацельза съ Фаустомъ заключается только въ стремленіи къ изысканію тайнъ природы. Ученый естествоиспытатель Парацельзъ, современникъ легендарнаго Фауста, одинъ изъ послѣднихъ представителей мистическаго знанія среднихъ вѣковъ и въ то же время новаторъ въ наукѣ временъ Возрожденія, служить благодарнымъ предметомъ для поэтическаго произведенія, какъ по личности, такъ и по жизни своей, богатой блестящими успѣхами и горькими переворотами. Поэтъ воспользовался интереснымъ матеріаломъ съ геніальной самобытностью, а если „Парацельза“ и сравниваютъ съ „Фаустомъ“, то сравненіе основывается не на сходствѣ фабулы или замысла, а на глубокомысленныхъ изысканіяхъ героя въ тайнахъ природы.

О „Фестѣ“ юнаго Бэли современная автору критика говорила такъ: „Это удивительное произведеніе превзошло Канта отвлеченностью философской мысли, а Гёте — причудливостью вступленія, въ которомъ вводится Св. Троица въ лицахъ!“ Но критикъ соглашается въ томъ, что произведеніе такъ богато поэтическими красотоми, сильно и своеобразно, что странное впечатлѣніе, получаемое отъ туманности и безсвязности его, болѣе чѣмъ выкупается удивленіемъ передъ геніальностью автора.

Самъ Бэли говоритъ голосомъ своего героя, что у него нѣтъ плана, есть только замысль. Время было благопріятно для подобныхъ произведеній. Романтическія тенденціи, имѣвшія въ каждой странѣ своеобразный характеръ, послѣ Германіи охватили и Англію. И здѣсь онѣ сказались въ отрѣшеніи отъ опредѣленныхъ формъ, въ символахъ, въ сліянніи философской и научной мысли съ поэзіей. Но хлынувшее богатымъ потокомъ идейное содержаніе, раздвигая или разрушая условныя рамки, оставило непоколебимыми и неприкосновенными только догматы церкви и установившіяся въ обществѣ понятія о нравственности. Современная мысль допускаетъ религіозное чувство и внѣ догмата, и устроиваетъ компромиссъ между потребностями души и законами разума. Но Англія всегда представляла особенность, рѣзко отличавшую ее отъ другихъ странъ: въ ней мы видимъ то абсолютное отношеніе къ преданію, которое сказывается въ неприкосновенности